

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ХЭЛЛОУИН

АННА ОДУВАЛОВА
КТО ПОДСТАВИЛ ТЁМНОГО
ВЛАСТелиНА?

ДАРЬЯ СТААЛЬ
ПОМОЩНИЦА ЕГО ЗЛОДЕЙШЕСТВА

МАРИНА ГРИШИНА
ТВОЙ ХОД, БАРОН САМЕДИ!

АННА ОДУВАЛОВА И ДР.
ВЕДЬМЫ И ТЫКВЫ

ЛИРА АЛЯ
СВЕТЛАЯ ПОМОЩНИЦА ТЕМНОГО
ДРАКОНА

МАРГО ГЕНЕР
ХЭЛЛОУИНСКАЯ ИСТОРИЯ
В АКАДЕМИИ МАГИИ

АННА ОДУВАЛОВА
ОЛЬГА ПАШНИНА

ДАРЬЯ СТААЛЬ
КИРА КРААШ

САША ПАУЛАН
МАРИНА ЕФИМИНЮК

И ДРУГИЕ

ВЕДЬМЫ И ТЫКВЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Иллюстрация на переплете *Adacta Aries*

Ведьмы и тыквы. — Москва : Эксмо, 2025. —
В26 384 с.

ISBN 978-5-04-222205-4

Как-то осенью дюжина юных, прекрасных и ужасно любопытных ведьмочек отправилась на встречу с главным приключением в своей жизни!

Можно ли удрать от настойчивого инквизитора? Что будет, если лезть через забор к самому опасному магу империи? Как перепутать друга по переписке? Что делать, если ты случайно прихватила в дорогу душу незнакомца?

Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — любовь!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Одувалова А., текст, 2025
- © Пашнина О., текст, 2025
- © Белова Л., текст, 2025
- © Дари А., текст, 2025
- © Лисина В., текст, 2025
- © Сил А., текст, 2025
- © Иконникова О., текст, 2025
- © Жилякова Н., текст, 2025
- © Коман Г., текст, 2025
- © Ларсон А., текст, 2025
- © Кис К., текст, 2025
- © Паулан С., текст, 2025
- © Стааль Д., текст, 2025
- © Краш К., текст, 2025
- © Ефиминюк М., текст, 2025
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222205-4

Анна Одувалова

ТЫКВЕННЫЙ ЭКСПРЕСС

Погода сегодня была мерзкая даже для осени и этих болотистых мест. Порывистый влажный ветер напоминал ледяные пальцы, норвящие залезть под воротник. Над головой низко висело сплошное свинцовое полотно туч. Воздух был пропитан едким коктейлем из прелых листьев и сырой земли. Мелкий назойливый дождь моросил с самого утра, поэтому мой плащ с капюшоном давно промок и отяжелел.

Ненавижу Болотный край и осень!

Некроматическая производственная практика закончилась вчера, и через несколько дней я наконец-то рухну на свою привычную, хоть и продавленную кровать в общежитии академии магии Белозерска. Мысль об уютном пледике, какао и любимой подушечке — единственный лучик в окружающем мраке. Но до этого предстоит трястись четыре долгих утомительных дня в поезде. Одно радовало: там будет тепло и сухо.

А если повезет с соседями, то, пожалуй, я буду чувствовать себя совсем счастливой!

Судьба распорядилась так, что в Темном Яре из всей нашей группы практиковалась только я. Там не требовалось больше людей, зато практику оплачивали и предоставляли питание и жилье.

Жадность победила.

Небольшой погост, вечно пьяный старик-смотритель да беспокойные мертвецы, которых то и дело приходилось умирять, — вот и все мои развлечения двух последних месяцев. Хотелось домой. В цивилизацию. И хоть что-то съесть, кроме сухарей и тушенки.

А вот с этим были проблемы. Скрипучая телега, на которой в обычное время возили гробы, высадила меня где-то в кромешной тьме, недалеко от полузаброшенной станции Чертов брод. Запряженная в телегу едва живая взмыленная кляча хрипло вздохнула.

От деревянного здания с затянутыми пылью окнами веяло таким запустением, что даже мне, некромантке в третьем поколении, привыкшей к могильному холоду, стало слегка не по себе. Вокруг темень, сгущающаяся с каждой минутой. Только редкие фонари, мигающие в предсмертных судорогах на перроне, бросали желтые неровные пятна света на лужи и треснувший асфальт.

6

Платформа была пустынной со стелящимся по рельсам белесым туманом. Кроме сливающейся

с теньями пары неясных фигур вдалеке, вокруг я не заметила ни души. Тени казались неестественно длинными, живыми. Они будто тянулись ко мне.

Я откинула за спину длинную, неприлично яркую рыжую косу и потопала по скользкому перрону, размышляя, где бы в этой глуши купить хоть какую-то еду до прихода поезда. И не промокнуть окончательно.

Кажется, удача сегодня была на моей стороне. По перрону, поскрипывая по мокрому асфальту колесиками массивной сумки, деловито спешила бабуля. На боку сумки гордо красовалась кривая надпись: «С пылу с жару!»

Мой желудок жалобно и громко заурчал в такт перестуку колесиков. Бабуля, словно услышав этот позорный звук, резко остановилась прямо рядом со мной. Ее глаза, маленькие и невероятно острые, буравили меня сквозь полумрак.

— Вижу, девица, путь твой долог и полон теньей... — Ее голос был похож на скрип несмазанной двери. — Возьми пирожков, подкрепись. Они с... особой начинкой.

Особая начинка? Настораживает, конечно. Но голод взял верх: лучше пирожок с особой начинкой, чем с никакой.

Я достала из кармана плаща помятую купюру мелкого номинала и расплатилась.

Бабуля проворно спрятала банкноту в поясную сумку и закопошилась в ее недрах, выживая

сдачу. Сунула мне в ладонь горсть мелких холодных монет. Одна из них — старая, потемневшая от времени, с почти стершимся неразборчивым гербом — показалась ледяной.

Не придав этому значения, я машинально сунула ее в карман плаща.

Громкий пронзительный гудок и шипение пара разрезали тишину. Тяжелый и темный состав, фыркающая и стуча, остановился и окутал перрон белесым влажным облаком. Я схватила свой потертый чемодан, закинула его в тамбур пятого вагона и залезла следом. А когда окинула прощальным взглядом мрачный пустой перрон, бабули на нем уже не было.

Я тащила свой потертый чемодан по проходу старенького скрипучего плацкарта. Этот вагон жил своей шумной навязчивой жизнью, до боли напоминая гигантскую коммунальную квартиру на колесах, где у каждого своя драма, свои запахи и своя громкость.

С самого порога я поняла: надеяться на спокойную поездку было наивно. Для спокойствия надо было брать СВ или купе, а здесь... Здесь царил хаос.

Громоподобно храпел тролль-наемник. Он развалился на нижней полке, выставив в проход покрытые грубой кожей пятки. Род деятельности тролля выдавал поношенный, когда-то, видимо, темно-зеленый китель с потускневшими застеж-

ками. Теперь он служил хозяину импровизированным одеялом.

Напротив тролля копошилась семейка гоблинов. Мать с суровым выражением на приплюснутом некрасивом лице усердно чистила какую-то скользкую серебристую рыбину. Едкий запах чешуи и внутренностей уже успел пропитать воздух и смешаться с запахом пота и старого вагона.

На верхней полке над ней, подрагивая при каждом выдохе, сопел ее муж. Его храп был глубоким, басовитым и настолько мощным, что эхом разносился по всему вагону. Иногда звуки сливались с храпом тролля-наемника в один надсадный, пугающий пассажиров рык. А на другой верхней полке уже вовсю дрались двое гоблинских отпрысков, с визгами перекатываясь по жесткому матрацу.

Мать, увлеченная приготовлением неаппетитного ужина, даже внимания на них не обращала.

Я поспешила миновать этот эпицентр семейной жизни, мысленно осенив себя святым знаменем.

«Слава праотцам, я еду не с ними».

Миновала я и пару немолодых эльфов, сидевших напротив друг друга у окна. Они ехали одни, но с музыкальными инструментами: между ними на сиденьях аккуратно лежали футляры для скрипки и виолончели, а у ног стояла старая, но добротная арфа в чехле.

Сами эльфы — эльфийская бабушка с седыми, уложенными в тугую косу волосами, и эльфийский дедушка с благородными морщинами — сидели чинно и спокойно. Но я знала: если они окажутся набожными (а они выглядели именно так), то на рассвете нас ждет импровизированный концерт духовных песнопений. Чего мне сейчас совершенно не хотелось.

Свое место 17А я нашла ближе к середине вагона и мысленно поморщилась. Конечно, не семейка гоблинов, но немногим лучше. Напротив моей нижней полки сидела полная, явно измотанная женщина. Ее лицо было бескровным от усталости, глаза смотрели в никуда, а руки механически качали крошечный, орущий на всю мощь своих легких сверток. Звук был пронзительный и истощный, бил прямо по нервам.

Вокруг нее суетился субтильный мужичок, судя по всему, ее муж. Он явно очень хотел помочь. То протягивал бутылочку, то поправлял одеяльце, но совершенно не понимал, что именно сделать, чтобы дитя замолчало. Его движения были нервными и бесполезными. А их старший отпрыск, шkodливый на вид мальчишка лет девяти-десяти, обезьянкой свисал с верхней полки, болтая ногами и с любопытством разглядывая вновь прибывших. Его взгляд, полный озорства и энергии, предвещал мало хорошего.

Делать нечего. Я громко вздохнула, пробормотала невнятное «Здрасьте...» в сторону соседей и начала заталкивать чемодан под нижнюю полку. Мышцы ныли после долгой дороги и таскания багажа.

«Ну ничего, — подумала я, усаживаясь на жесткий матрац и снимая промокший плащ. — Мой маленький сюрприз соседям, возможно, тоже не очень понравится».

Наконец я устроилась на своей нижней полке и блаженно вытянула ноги. Стянула с плеч подозрительно шевелящийся рюкзак, из глубины которого доносилось негромкое, но отчетливое шуршание и поскребывание.

— Сейчас-сейчас, потерпи, — приговаривала я, пытаясь найти место на маленьком столике. Нужно было куда-то поставить клетку с Аркадием.

Общий столик был почти целиком заставлен бутылочками с сосками. В каких-то плескалась детская смесь. Поверх этого хаоса лежали скомканные детские салфетки. Тут же валялся чей-то огрызок яблока, липкий кусок пирога с неясной начинкой и маленький мячик, светящийся в полумраке вагона тусклым желтым светом, — единственный чистый предмет в этом беспорядке.

— Простите, мне потребуется немного места, — вежливо, но твердо сказала я, сдвигая

чужие вещи к краю стола и освобождая драгоценный пяточок.

На освободившееся пространство я водрузила клетку. И все замерли.

В клетке неторопливо перебирал черными пушистыми лапками Аркадий. Гигантский мохнатый паук размером с отъевшуюся крысу. Его брюшко, покрытое густыми, иссиня-черными волосками, колыхалось при каждом движении. С округлой морды, покрытой коротким темным пушком, печально взирали восемь блестящих круглых черных глаз, расположенных в два ряда. На его груди, обхватывая узкую перемычку между головогрудью и брюшком, красовался изящный кожаный ошейник. На нем висела маленькая металлическая табличка с четкой гравировкой: «Аркадий. Акад. маг. наук, отд. эрхон. магии».

— Это што за... Что это?! — завопила женщина напротив, криком заглушив даже своего орущего младенца. Глаза ее округлились от ужаса, лицо побелело.

Ее муж, до этого суетливо метавшийся, замер и подозрительно хрюкнул, втянув голову в плечи, а худосочный студент, сидевший через проход и до этого погруженный в книгу, так дернулся, что его круглые очки соскользнули с носа и утонули в почти полном стакане остывшего чая.

— У Аркашеньки есть билет! — сухо, громко и нарочито четко объявила я, предупреждая воз-

можные претензии и стараясь предотвратить нарастающую панику. — Поэтому он поедет с нами. Увы. Клянусь костями предков, — добавила я, глядя прямо в испуганные лица соседей, — я тоже терпеть не могу пауков. Но выбросить этого... совесть не позволила. Нашла его умирающим, в паутине какого-то чудовищного сородича на болотах Темного Яра. Везу, чтобы слать в живой уголок академии. Там знают, как с этими тварями обращаться. Или хотя бы покормят достойно. — Я сделала паузу для весомости и добавила: — Если Аркадия не трогать, Аркадий не тронет в ответ. Он очень воспитанный.

Свою прочувствованную речь я выдала в повисшей в вагоне гробовой тишине. Даже младенец на секунду притих. И только с верхней полки прямо над моей головой раздался восторженный возглас:

— Ого! А погладить его можно? Он мягкий?!

Мальчишка свесился с полки почти до самого столика. Его глаза горели азартом и любопытством, а рука уже тянулась к прутьям клетки.

— Жак! Сию секунду на место! Не смей даже близко подходить! — рявкнула на него мать.

Ее голос, полный гнева и паники, заставил паучьи лапки Аркадия на мгновение замереть. Подозреваю, мой питомец не отказался бы от поглаживания и почесывания. Я так и не смогла переступить через себя, а паук мне достался ласковый.

Пацан моментально, словно по волшебству, скрылся на своей верхней полке. Словно его тут и не было.

А я тихо выдохнула. Казалось, первый, самый острый конфликт был разрешен. По крайней мере, пока. Аркадий снова начал методично перебирать лапками, словно чистя пушистую шкурку.

Несмотря на то что он произвел на всех неизгладимое впечатление (к слову, он всегда его производил — стоило только показаться), вагон начал медленно погружаться в полусон. Запах гоблинской рыбы смешался с ароматом детской присыпки и запахом моих (к слову сказать, весьма вкусных) пирожков. Я тоже задремала под непрекращающиеся всхлипывания младенца и раскатистый храп тролля-наемника, сливавшийся с гоблинским басом сверху.

И до определенного момента все было хорошо. Потом по спине пробежал ледяной холодок, будто кто-то провел сосулькой по позвонкам. Одновременно совсем рядом громко и неожиданно звякнули стаканы в подстаканниках.

Я резко открыла глаза и инстинктивно рванулась вперед, едва успев поймать за ручку свой подстаканник. Стакан с остывшим чаем внутри качнулся, темная жидкость выплеснулась через край на пальцы. Сердце колотилось где-то в горле.

— С чего бы вдруг... — пробормотала я себе под нос и огляделась. Вагон не особенно трясло, никакого резкого торможения не было. Очень непонятно.

Странности на этом не прекратились. Из-за соседней перегородки донесся громкий звон разбитого стекла и сдержанная шипящая ругань. Кто-то, видимо, стакан не поймал. Потом еще один звон, уже ближе. И еще.

Вагон начал недовольно просыпаться. Послышались ворчливые голоса, сопение, шорох одеял.

Через проход от меня мирно сопевший художочный студент (сейчас без очков) вдруг вскрикнул от испуга. Газета, лежащая на столике, сама собой резко поднялась в воздух, листы с шуршанием захлопали, как крылья огромной птицы, а потом шлепнулись ему на лицо. Он вскочил, сбивая газету, и дико заозирался по сторонам в поисках обидчика.

И тут ударил поток ледяного ветра. Он пронесся по проходу, завывая в щелях тамбура и заставив задрожать занавески на окнах. Хотя окна были плотно закрыты. В осеннюю ненастную погоду никому не пришло в голову проветривать помещение. Лампочка над дверью в туалет тускло замигала, отбрасывая неровные прыгающие тени. В ушах стоял легкий, но навязчивый свист.

Я приподнялась на локтях, ощущая, как волосы на затылке встают дыбом. В проходе у самого

